Экзистенциальные проблемы ЕС

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Два десятилетия назад ЕС давал надежду сотням миллионов людей с различных сторон европейских границ, что сказка о большой, единой и благополучной Европе действительно может стать для них былью. Однако сегодня внутри ЕС уже звучат мысли о его возможной смерти.

Содержание

1 В мире «конца истории»
2 Европа может умереть?
3 Неформат для нового мира?

1 мая Европейский союз отметил двадцатилетие своего знаменитого «большого расширения» (big-bang enlargement). Особенно громко и триумфально юбилей праздновали, разумеется, в самих тех странах, которые в 2004 году стали полноправной частью объединения. Это восточно- и центральноевропейские государства – Эстония, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Венгрия, – а также Мальта и Кипр. Уже после них частью ЕС стали Болгария, Румыния и Хорватия. Однако именно «большое расширение», которое впервые вывело Евросоюз на просторы бывшего социалистического блока и даже включило три экс-республики СССР, стало своего рода историческим символом расцвета европейской интеграции. Некоторые европейские функционеры даже **называли** его «самым значимым историческим достижением ЕС».

Те события двадцатилетней давности действительно стали вехой в истории европейского континента. Они многое изменили как для новых стран-членов, так и для всего Евросоюза. Достаточно оценить масштабы «павших границ» и их значение для экономического роста и межличностного общения. Фактор повышенной мобильности может казаться второстепенным при беглом взгляде на

большие мировые события, но, обеспечивая ежедневно неограниченное множество контактов и связей, он автоматически закладывает основы для устойчивого развития и благополучия.

Кроме того, «большое расширение» оказало существенное влияние и на многие процессы далеко за пределами самого ЕС. Оно переформатировало геометрию отношений Евросоюза с непосредственными соседями, а также стало важным обстоятельством в глобальных делах. Оно преобразовало некоторые существовавшие до того коммерческие интересы и политические расклады на всем евразийском пространстве. И самое главное – оно дало надежду сотням миллионов людей с различных сторон европейских границ, что сказка о большой, единой и благополучной Европе действительно может стать для них и их потомков былью.

В мире «конца истории»

В самом начале XXI века для подобных ожиданий и в целом для триумфа европейского интеграционного проекта сложились все условия. По Европе перестал бродить призрак коммунизма, вместо него пришла практически религиозная вера в магическую силу капитализма и демократии и в базирующуюся на их принципах глобализацию. Вместо разделенного Берлинской стеной и «железным занавесом» континента Европа, как казалось, быстро и необратимо превращалась в пространство взаимодействия, мира и процветания. Относительно бескровное окончание Холодной войны, **принятие** Парижской хартии для новой Европы, **расцвет** сотрудничества в области военной транспарентности и мер доверия, многообещающее рождение ОБСЕ – все выстраивалось в единую цепочку событий. Сюда же вписывалось и представление о расширении ЕС на те страны, которые готовы реформироваться по образу и подобию уже входивших в объединение государств.

> Это выглядело не иначе как эмпирическое подтверждение очень прямолинейной и оттого казавшейся такой привлекательной и в чем-то даже опьянявшей своей простотой **теории** Фрэнсиса Фукуямы о конце истории.

Согласно этой идеи, после многовековых болезненных и часто кровавых поисков оптимальных форм общественного устройства человечество наконец пришло в финальную точку. Теперь, после победы капитализма в экзистенциальной схватке

с социализмом/коммунизмом, человеческая цивилизация точно знает, что ее будущее за либеральными демократиями и рыночной экономикой.

По этой логике все еще не соответствовавшие стандартам «конца истории» страны нужно было привести в нужное состояние с помощью набора системных реформ. В общем виде эти реформы были описаны Вашингтонским консенсусом, а множившиеся документы и процедуры ЕС придавали им конкретизированный практический вид. В этом плане весь Европейский союз становился не просто продуктом «конца истории», а одним из главных его глобальных драйверов.

На любые возникающие проблемы внутри и за пределами ЕС теория «конца истории» давала однозначные рецепты. В соответствии с ними в любой непонятной ситуации нужно больше реформ в духе Вашингтонского консенсуса и больше интеграции. Возникло даже метафорическое представление о европейской интеграции как о велосипеде: пока крутятся педали, велосипед едет. А пока углубляется интеграция, ЕС достигает все новых вершин. На таком идейном фоне очень многим стало казаться, что Евросоюз превратился в универсальный идеал для подражания, который совершенен во всех своих проявлениях. Нужно только обязательно двигаться вперед, не сворачивая на интеграционном пути.

Европа может умереть?

Если бы кто-то из очевидцев «большого расширения» ЕС заснул на два десятилетия летаргическим сном, то, наверное, очень сильно удивился бы увиденному сегодня. Нет, велосипед европейской интеграции не остановился, движение продолжается. Не уходит с повестки дня и тема дальнейшего расширения. Помимо уже давно находящихся в режиме ожидания присоединения к ЕС балканских государств, как известно, в декабре 2023 года Европейский Совет **решил** начать переговоры о членстве с Украиной и Молдовой, а также предоставил статус кандидата на вступление Грузии.

Однако, *во-первых*, едва ли кто-то из голосовавших за эти решения лидеров стран ЕС сам искренне верит в реалистичность такой перспективы.

> *Во-вторых*, еще провал с идеей о Конституции ЕС показал, насколько сложно «велосипеду ЕС» продолжать крутить педали при одновременном увеличении стран-членов и сохранении некоторого минимально приемлемого для всех баланса национальных и наднациональных полномочий.

А без такого баланса резко повышается вероятность того, что список вышедших из состава объединения не ограничится Великобританией и за ней последуют новые «экзиты».

В-третьих, сегодня в Европе полыхает самый масштабный со времен Второй мировой войны вооруженный конфликт, который при сохранении имеющихся тенденций вполне может перекинуться и на территорию самого ЕС. В этих условиях трясет и экономику Евросоюза. Притом помимо сиюминутных экономических проблем, европейская интеграция сталкивается со все более осязаемыми стратегическими вызовами из-за снижающейся конкурентоспособности ее модели.

На таком фоне любитель пафосных слоганов Эммануэль Макрон **заявляет** о возможной смерти ЕС. Он громогласно говорит о перспективах крушения всей «европейской цивилизации» и **подчеркивает**, что имеет ввиду географическую, а не только институциональную Европу. Но, по сути, имеет в виду он именно то, что двадцать лет назад обещал и к чему стремился Евросоюз.

К бесконечному пафосу Макрона в Европе и за ее пределами уже привыкли. Очевидно, что и в этот раз он ищет возможности вписать свои громкие заявления в историю. Также очевидно, что, как емко **отметил** Ханс Кундани, комментируя очередные откровения Макрона, «Европа не находится в «смертельной опасности». Она просто в состоянии упадка относительно других. Но, вероятно, чувство собственной исключительности делает это ощущение апокалиптическим». Однако и полностью необоснованными слова Макрона назвать нельзя, уж слишком серьезны вызовы, стоящие сегодня перед ЕС.

Неформат для нового мира?

Многие сторонники тесной европейской интеграции постоянно напоминают, что Евросоюзу в прошлом неоднократно удавалось находить выходы из чрезвычайно сложных кризисов. Даже укоренилось **мнение**, что потребность стран-членов и институтов ЕС друг в друге предопределяет необходимость постоянно договариваться и находить приемлемые для всех решения в самых сложных обстоятельствах, а потому из любого кризиса объединенная Европа выходит еще более единой и сильной.

При этом многие проблемы ЕС как бы безвременные. То есть они заложены и в самой его конструкции, и в объективных социально-географических и исторических особенностях континента, а потому непреодолимы и вечны. Можно

открыть публикации практически любого периода после окончания Второй мировой войны и обнаружить там обсуждение одних и тех же вызовов европейской интеграции. Например, в 1950 году **статья** в Foreign Affairs перечисляла следующие проблемы: недостаток природных ресурсов, большие различия в стандартах жизни и социальной защищенности между средиземноморскими и северными странами Европы, существенные различия в подходах государств к целям и средствам экономической политики. Все это в том или ином виде актуально и сегодня, предопределяет вечную дилемму между национальным и наднациональным в ЕС.

Однако нельзя не заметить ключевое отличие истории предыдущих шести-семи десятилетий от происходящего сегодня. Оно заключается в том, что принципиально изменяется траектория развития всего мира, и этот процесс затрагивает абсолютно все страны и регионы.

При всех кардинальных изменениях, которые произошли после окончания Холодной войны, для западного мира, в том числе ЕС, новая эпоха после 1991 года наступила лишь в том смысле, что его позиции сильно окрепли. А привычный западный образ жизни в результате не претерпел каких-то серьезных изменений, он просто линейно улучшился: увеличились возможности и благосостояние, но это произошло в рамках привычного и понятного западным европейцам уклада. То есть порядок, существовавший в годы Холодной войны в рамках капиталистического блока, фактически просто распространился на весь остальной мир (разумеется, с многочисленными изъянами и искажениями, но для западноевропейцев они не были особенно заметными). Именно поэтому многие исследователи рассматривают последние 30 лет истории международных отношений не как отдельный период, а как продолжение сорокалетнего отрезка Холодной войны.

> Сейчас же перед нашими глазами разворачиваются качественно иные изменения, с которыми европейская интеграция еще не сталкивалась.

Структурная трансформация мира постепенно превращает Европу в геополитически второстепенный регион, центр геоэкономической тяжести также смещается. Поэтому предыдущий опыт ЕС преодолевать кризисы за счет новых интеграционных решений в таких реалиях становится все менее применимым.

При этом все больше складывается впечатление, что уж слишком много европейских чиновников в Брюсселе и столицах стран-членов ЕС продолжают жить в эпоху «конца истории». Как будто принципиально за двадцать лет ничего не изменилось и не изменится, а «райский сад» может быть спасен лозунгами «быстрее, выше, сильнее» и неумирающими заветами Фукуямы.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»